

2. Храмов В.Б. К вопросу о творческом характере рационального планирования в экономике // Aspectus. 2014. № 3. С. 84-90.

3. Гачев Г.Д. Ментальности народов мира. М., 2008. 544 с.

References

1. Gritsenko V.P. Culture: interaction of globalization and regionalization // Kulturnaya zhizn Yuga Rossii. 2013. № 3 (50). P. 7-11.

2. Khramov V.B. To the question of the creative nature of rational planning in the economy // Aspectus. 2014. № 3. P. 84-90.

3. Gachev G.D. Mentalnosti narodov mira [The mentality of the peoples of the world]. Moscow, 2008. 544 p.

УДК 008

Е.А. НАЙДЕНКО, А.В. ТОНКОВИДОВА

П.А. ФЛОРЕНСКИЙ: МЕЖДУ НЕБОМ И ЗЕМЛЕЙ

Найденко Елизавета Анатольевна, кандидат философских наук, доцент кафедры философии, культуроведения и социальных коммуникаций Кубанского государственного университета физической культуры, спорта и туризма (Краснодар, ул. Буденного, 161), naidenko07@mail.ru

Тонковидова Анна Викторовна, старший преподаватель кафедры философии, культуроведения и социальных коммуникаций Кубанского государственного университета физической культуры, спорта и туризма (Краснодар, ул. Буденного, 161), tonkovidova@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению концептуальных взглядов П.А. Флоренского на историко-культурную традицию русской философской мысли, проблеме ее религиозной составляющей. Определяется современное значение института церкви в религиозной сфере, а также в социокультурных и политических реалиях современности.

Ключевые слова: культурная традиция, религия, русская философия.

UDC 008

E.A. NAYDENKO, A.V. TONKOVIDOVA

P.A. FLORENSKY: BETWEEN HEAVEN AND EARTH

Naydenko Elizaveta Anatolyevna, candidate of philosophical sciences, associate professor of the cathedra of philosophy, cultural studies and social communications of the Kuban state university of physical culture, sport and tourism (161, Budennogo St., Krasnodar), naidenko07@mail.ru

Tonkovidova Anna Viktorovna, senior lecturer of the cathedra of philosophy, cultural studies and social communications of the Kuban state university of physical culture, sport and tourism (161, Budennogo St., Krasnodar), tonkovidova@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the conceptual views of P.A. Florensky on the historical and cultural tradition of the Russian philosophical thought, the problem of its religious component. The modern value of the institution of the Church in the religious sphere, as well as in the social and cultural and political realities of our time is determined.

Keywords: cultural tradition, religion, Russian philosophy.

Актуальность статьи определяется повышенным вниманием современных исследователей к истории отечественной культуры, поискам мировоззренческих взаимосвязей нынешней философской мысли с ее предшествующими образцами в переломные периоды российской истории.

Церковь как социальный институт и религия в качестве формы общественного сознания приобретают новое значение в современном российском социуме, позиционируются в новых проявлениях социокультурных и политических составляющих. При всем множестве различных подходов к данному многополярному феномену нам представляется продуктивным определение ее философского вектора.

С этой точки зрения наследие П.А. Флоренского предстает не только уникальным, но и обладает, по нашему мнению, практическим проблемным потенциалом для современной отечественной философии. Его самобытное мироощущение приходит к современным исследователям в качестве некоего существенного дополнения, без которого трудно представить целостное понимание нынешнего состояния национальной культуры и духовности. Это происходит даже тогда, когда он субъективно не верит собственной возможности проникнуть в сущность мироздания и готов подчинить свои философские искания надчеловеческому авторитету Божественного промысла.

Павел Александрович Флоренский – русский православный мыслитель. Такое утверждение наиболее часто употребляется в исследованиях, посвященных его философскому, историко-биографическому и естественно-научному наследию. Но если дефиницию «православный» можно, пусть и обобщенно, отнести к конфессиональной принадлежности священника Павла Флоренского, то употребление слова «мыслитель», вместо более привычного и употребляемого «философ», в сочетании с определением русский нуждается, на наш взгляд, в некотором объяснении.

По сей день продолжается дискуссия вокруг вопроса, поставленного перед исследователями в сфере философии и культурологии в конце 80-х годов XX века: вопроса о ее действительной полной самобытности и самостоятельности или преобразовании в ней положений западноевропейской философии, адаптации этих идей к российской ментальности и историческим реалиям. Этот вопрос приобретает особенное значение вне идеологически обусловленного диктата и подхода. В связи с этим нам представляется продуктивным обращение к религиозной философии П.А. Флоренского, поскольку как из единого по сути своей источника – Христа образовались столь различные течения, как православие, католицизм и протестантизм, так и русские и западноевропейские философские школы последовали принципиально отличными направлениями.

По мнению Флоренского, собственно русское просветительское начало в философии так или иначе связано со школой духовной, как с ее традицией, так и с педагогикой. Анализируя это положение, он доказательно приходит к выводу о том, что «лишь самый конец XIX века ознаменовался появлением философии, иначе распространившейся» [1, с. 17]. Здесь автор, рассматривая историю формирования и преподавания философских наук в духовных учебных заведениях России, утверждает этот исторический дискурс в качестве формирования русской философии как «совокупности всех философских течений, волновавших русское общество» [1, с. 18].

Такова, по П.А. Флоренскому, историческая суть обозначенного вопроса. Развивая это основное положение, он персонифицирует попытку западной философии «завладеть русской мыслью» в личности И. Канта, по выражению Флоренского, «великого лукавца». По его мнению, Кант основополагает воззрения Платона как базовые в своих дальнейших умопостроениях, однако «меняет перед ним знак – с плюса на минус». Между тем принципиально отлична в этом отношении философия русская, которая, по мысли Флоренского, обнаруживает исток религиозных воззрений в философии Платона, лишь дополняя его опытом последующих философских течений западноевропейских мыслителей. И здесь следует важное замечание: «Но не опытом приятия, а скорее опытом преодоления» [1, с. 127]. Заметим, что в данном случае гениально предвидение А.П. Флоренским последующего развития православного богословия (теологии) в отношении античной греческой философии. В притворах некоторых современных храмов вполне

канонически присутствуют фрески, изображающие некоторых античных философов, своим мировоззрением «подготовивших» греков к принятию христианства.

Таким образом, основная идея русской философии по Флоренскому есть прежде всего идея религиозно-философского осмысления мира. Действительно, в фундаментальной работе А.Ф. Лосева «История античной эстетики» именно это положение П.А. Флоренского возводит поиски античных философов, прежде всего Платона и Гераклита, от истоков до «христианских врат». В трудах С.Н. Булгакова, Н.О. Лосского, В.В. Розанова¹ и др. присутствует эта базовая составляющая воззрений Флоренского.

Следует отметить, что не все из упомянутых нами философов принимали воззрения П.В. Флоренского. Более того, для некоторых из них они являлись «чуждыми и враждебными» [2, с. 126].

Но этой линией разделения небесного и земного как раз и являлось противопоставление религиозного и светско-гуманистического понимания во всей философской антропологии. В данном контексте сама церковная карьера Флоренского складывалась далеко не самым лучшим образом. Не последнюю роль в этом отношении сыграла его дипломная работа, она же главный богословский труд «Столп утверждения истины», вызвавшая в академических кругах духовенства определенное неприятие. Возможно, именно по этой причине Павел Флоренский, один из лучших выпускников Московской духовной академии, получает должность не профессора богословия, а лишь преподавателя истории философии: «Иначе внесет слишком много своих умствований» [3, с. 12].

Здесь имеются в виду прежде всего богословские воззрения Флоренского на религиозный процесс общения человека с Богом. А.П. Флоренский обращал внимание на концепт «пассивной спасенности», попытки приобретения неких даров духовной жизни без самой жизни по духу христианства. Закон неких формальных деланий, ритуала, а не любовь к истине, возведенные в культ, по мнению Флоренского, подменяли живое Богообщение попыткой упования на собственные «заслуги» в расчете приобретения вечной жизни. При этом «заслуги» ставятся взамен Бога.

Но «умствования» не только богослова, но и выпускника физико-математического факультета МГУ составили весомый вклад во многие естественно-научные направления. Если его богословские труды не могли быть востребованы в СССР, то работы обладателя тридцати патентов на научные изобретения в различных областях научного знания по сей день не теряют своего значения. Так, уже после арестов 1928 и 1933 гг. Флоренский продолжает научную деятельность в ссылке и лагерях, пишет работы по исследованию проблем стройки в условиях вечной мерзлоты, извлечению продуктов йода из океанических водорослей, работы, посвященные технологическим принципам изготовления тяжелой воды. В этом отношении, как ни парадоксально, человек, объявленный врагом народа, способствовал созданию атомного щита СССР.

Однако не эта деятельность Флоренского подразумевается нами под «земной», а его самобытная философская антропология. Так, его работа «Иконостас» начинается с вопроса о границе, разделяющей и одновременно соединяющей два мира: видимый и невидимый, небо и землю. Исходной точкой размышления над этой проблемой автор полагает человека, его душу, где эти миры «чередуются» [1, с. 49]. В этом отношении вызывает недоумение известное высказывание Флоренского о том, что сам он считает свои мироощущение и мировоззрение свойственными личности русского Средневековья. Здесь он указывает даже конкретный исторический период XIV-XV вв. Но здесь автор имеет в виду не социально-психологический облик человека данной эпохи, а тип духовно-религиозного сознания, соответствующий этому времени. Именно это положение невозможно понять и принять вне православной антропологии, которой блестяще владел Флоренский не только в теоретических работах, но и опыте духовной жизни.

¹ См.: Розанов В.В. Уединенное. М., 2006; Булгаков С.В. Свет невечерний. М., 1994; Лосский Н.О. Бог и мировое зло. М., 1994.

Если с точки зрения позитивизма эти измерения времени должны совпадать в истории мира и соответственно в истории философской мысли, то Флоренский ощущает их как некую культовую, личностную константу «восхождений» и «нисхождений» от земного к небесному. Он отмечает в своих «Воспоминаниях» 1924 г., что, будучи воспитанным как человек нового времени, именно благодаря этому смог осознать себя конечностью данного времени в мыслительном ощущении его стремления к некоему пределу. Акцентируя выдвинутое положение, Флоренский здесь настоятельно утверждает себя человеком нового времени и потому первым наступающего Средневековья [4, с. 251].

Его самобытность, проявлявшаяся даже во внешнем облике, гениально передана на полотне Н.В. Нестерова «Философы», где изображены П.А. Флоренский и С.Н. Булгаков. Художник, отличающейся особым русским духовным ощущением мира, удивительным образом передает общность и обособленность русских мыслителей не только в контрасте светского и церковного облачения, но и в неуловимом векторе сосредоточенности мысли.

Действительно, если С.Н. Булгаков² стремился к некоей всеобщей концепции, объединяющей в целостном философском понимании и обобщении и универсуме Бога, Мира и Человека, обосновать, по сути, новую антропологию, то Флоренский сознательно остается мыслителем и человеком перелома времен – последним и первым одновременно. Эта удивительная неслиянность, стремление к сохранению собственной личности во вне хронологической, философско-антропологической сфере индивидуальной бытийности может и должна быть достигнута, по Флоренскому, в обращении к религиозно-исторической ментальности.

Литература

1. Флоренский П.А. Избранные труды. М., 2007. 464 с.
2. Бердяев Н.Н. Самопознание. М., 1996. 362 с.
3. Кравец С.Л. О красоте духовной. М., 1990. 67 с.
4. Флоренский П.А. Воспоминания. Ч. VII. Обвал // Литературная учеба. 1988. № 6.

References

1. Florensky P.A. Izbrannyye trudy [Selected works]. Moscow, 2007. 464 p.
2. Berdyayev N.N. Samopoznanie [Self-knowledge]. Moscow, 1996. 362 p.
3. Kravets S.L. O krasote duhovnoy [On spiritual beauty]. Moscow, 1990. 67 p.
4. Florensky P.A. Memories. P. VII. Collapse // Literaturnaya ucheba. 1988. № 6.

УДК 130.2

Г.А. СЕРГУНОВА, Б.П. БОРИСОВ

ПАЙДЕЙЯ КАК КОД МОДЫ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Сергунова Галина Александровна, аспирант кафедры философии и общественных дисциплин Краснодарского государственного института культуры (Краснодар, ул. им. 40-летия Победы, 33), sergunovag@gmail.com

Борисов Борис Петрович, доктор философских наук, профессор Краснодарского государственного института культуры (Краснодар, ул. им. 40-летия Победы, 33), borisb50@mail.ru

Аннотация. В статье с социально-философской позиции проведен сравнительный анализ эстетических принципов моды времен архаики и современной. Отслежено изменение культурных ценностей в постмодернистском обществе, манипулирование сознанием личности техническими механизмами fashion-индустрии.

Ключевые слова: глобализация, мода, пайдейя, постмодернизм, эстетика, классический стиль, форма, тело человека, тренды, антимода.

² Булгаков С.Н. Свет невечерний. М., 1994.